

Темперамент и реализм

О Свердловском драматическом театре

ного националиста Нарзулаева в исполнении т. Георгиевского. Запоминается особенно хорошая простота, искренность задушевность т. Амман-Дальской, исполняющей роль Маши Крыловой, и лирическая фигура Мир-Ахметовой в исполнении т. Малиновской.

Театральная культура нашей страны характеризуется творческим ростом периферийного театра. С каждым годом растет количество театров, ставящих перед собой самые трудные и серьезные задачи, не желающих мириться с случайным репертуаром и случайным руководством, создающих свою идеально-творческую ответственность перед народом. Конечно, еще далеко не изжиты многочисленные родимые пятна прошлого; мелкобуржуазная распущенность, претенциозная безвкусица, дешевая манерность, чванство, лживая декламационная риторика, анархический индивидуализм и самодовольное невежество еще дают о себе знать. Но настоящий расцвет театральной культуры, неизменный рост художественной добросовестности налицо. Каждый год приезжают из периферийных театров в Москву и каждый раз демонстрируют все более высокую ступень своей культуры.

В этом году нас порадовал Свердловский драматический театр. Он имеет сильный коллектив, насчитывающий немало талантливых артистов, серьезное руководство, интересный репертуар. Это — один из заслуженных театральных организмов в нашей стране. Ему есть что показать и есть чем похвалиться. К такому театру подходишь с повышенными требованиями. Хочется, чтобы он скорее освободился от своих недостатков, хорошо их осознал и явился через год еще более окрепшим, освеженным и обогащенным.

Привез Свердловский театр в Москву четыре спектакля: «Павла Грекова» Войтехова и Ленча, «Падь Серебрянью» Н. Погодина, «Царя Федора» А. К. Толстого и «Мать» Карела Чапека.

Каково качество этих спектаклей?
«Павел Греков» смотрится с интересом.
Волнует не только материал пьесы. Волнует разрешение многих споров. Объясняются старых рабочих с молодыми и вся сцена обретает четкую и драматическую

обвала сделаны четко и драматически сильно. Сцена в квартире Звонковой, несмотря на бытовое ординарное разрешение, все же сохраняет сатирическую остроту. Запоминается заседание парткома благодаря удачной и выразительной фигуре секретаря парткома Рыдама (т. Заря), энергичной и яркой фигуре члена парткома Петрова (т. Бакакин), умной простоте т. Токаревой, играющей члена парткома Попову, и сатирической четкости в игре т. Олигина, играющего члена парткома Карася и передающего очень сильно моральную низость, шкурничество перерожденца. Запоминается фигура буржуа

настоящего большевика. Павел Греков у Ильина самодовольно спокоен. На заседании парткома он любуется собой, он выражает свое убеждение, что партия не может не восстановить его в своих рядах, равномерно-спокойным тоном. Никакой лирики, эмоциональности. Откуда эта боязнь изображать живых, волнующихся, по-человечески страдающих большевиков? Эта боязнь сердечности приводит к сухой, разнонаправленной ограниченности. Социалистический реализм — не скучная имитация бытовой действительности, это — вся жизнь, увиденная и поданная с увлечением, страстью и темпераментом, изображенная с величайшим волнением и энтузиазмом.

Сцену в пограничном кишлаке надо всем переделать. Мизансцены неясны, люди суетятся без толку, восточный акцент на зойливо выпирает, получается фальшиво, нарочито, пародийно. Сцена в купе и бегство Левицкого из вагона не сыграны. Конец четвартой картины тоже не сыгран, последняя сцена смазана.

«Падь Серебряная» не принадлежит к числу достижений театра. Это ординарный спектакль, но смотрится он легко и приятно главным образом благодаря лирической мягкой игре г. Малиновской, исполняющей роль Таня. Ее Таня — лукавая, жизнерадостная, кокетливая девушка, полная не растратченных жизненных сил. Когда нужно, она серьезна и сдержанна; когда можно, она шаловлива и задорно улыбается. Но читает стихи она безусловно плохо. Лермонтова нельзя так читать.

Режиссер этого спектакля (А. Г. Георгиевский) проявил некоторую активность, но не всегда эта активность уместна. На вопрос о просы старшего лейтенанта Черкасова Кульков отвечает машинописью, склоняясь говоркой, как будто его ответы за зубрены. Черкасов для чего-то крадется на цыпочках, чтобы спугнуть Таню, занимающуюся с красноармейцем Кульковым. Непохоже это на старшего лейтенанта Черкасова! Жена лейтенанта Мансурова бессмысленно хохочет и страшно фальшивит от начала до конца. Японский офицер так усердно «играет», таинственным образом нажимает, что теряет всякое чувство меры. Он слишком долго воязится с молитвой и самоубийством, вытаскивает клинок из ножен, обворачивает его материй, расстегивается, направляет клинок себе в грудь. Эта нелепая комедия превращается в фарс, утомляет. Гневное и сатирическое изображение врага не должно превращаться в грубый и дешевый лубок. Фигура

Б. Ф. Ильин в роли Федора Иоанновича

сердечным трепетом. Но одиночества, трагического одиночества Федора Б. Ф. Ильин не передал. Сцена на паперти, очень удивляющаяся театру, ослаблена тем, что у Федора здесь нет трагической силы, нет ужаса полного одиночества в мире. Ильин, тем не менее, решительно отказался в этой роли от присущей ему сухой размеренности и актерской солидности движений и жестов, нашел глубокие, эмоционально заразительные, правдивые краски для выражения душевного смятения несчастного юродивого паря.

Спектакль раскрыл и Е. К. Амман-Дальскую как актрису. Она играет замечательную русскую женщину. Актриска передает большое чувство материнской и женской нежности к несчастному мужу, преданность и благородство в любви. Это лучшая роль Амман-Дальской.

Режиссерское разрешение спектакля (режиссер И. С. Ефремов) неровное. Сцена в саду у Шуйского раздражает своей штампованной суматошливостью. Бояре без толку суетятся, собираются в группы и снова рассыпаются в стороны. Только веселое шебетанье и любовный лепет княжны Мстиславской (арт. З. К. Малиновская) оживляют эту сцену. К несомненным удачам режиссера следует отнести последнюю знаменитую сцену трагедии — на паперти.

К наиболее крупным недостаткам спектакля относится риторически-декламационная, фальшиво-патетическая манера чтения стиха А. К. Толстого многими актерами, неудачный лубочный образ Луи-Клешнина, с глиняной маской, волосами из пакли и выпученными глазами, и удивительно равнодушное, бездушное исполнение роли Бориса Годунова. Арт. Каштанов действует Годунова монотонным скучным, вя-

Девяткина очень удались т. Георгиевскому. Пропойцу и матерого заслуженного шпиона он показал уверенными, широкими, реалистическими приемами. Георгиевский—очень интересный актер, соединяющий спокойствие опытного художника яркой характерностью много видавшего наблюдательного и любопытного человека.

Лучшими спектаклями Свердловского драматического театра следует считать «Мать» Чапека и «Паря Федора» А. К. Толстого. О «Матери» я уже писал. Инициатива и творческая смелость театра должны быть признаны со всей категоричностью. Образ матери в исполнении т. Токаревой принадлежит к лучшим достижениям Свердловского театра.

«Царь Федор» раскрывает нам такого актера, как Ильин. Его Федор глубок психологически убедителен и трогатель. Моменты безволия, кротости и душевной тишины ему очень хорошо удаются. Наиная беспомощность юродивого мечтателя, пытающегося сгладить и примирить все противоречия жизни, показана артистом большой силой и истинной проникновенностью. Переходы к вспышкам яростности и неукротимого гнева, быстро себя изжигающего, сделаны с тонким искусством

Свердловский драматический театр обладает большими возможностями. Он имеет сильный, крепкий, жизнеспособный и талантливый коллектив. В его составе работают такие интересные и способные к серьезному творческому росту актеры, как М. Н. Токарева, Е. К. Амман-Дальская, З. К. Малиновская, Б. Ф. Ильин, А. Г. Георгиевский, И. И. Олиги и др. Вокруг него замечательная, неповторимая, героическая жизнь страны и кипучая жизнь энергичного и жизнерадостного Свердловска. А театр скован каким-то суховатым раздумьем. Надо развязать темперамент, надо понять романтическую сущность социалистического реализма.

ПАВЕЛ НОВИЦКИЙ